

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог.....	5
Глава 1.....	18
Глава 2.....	27
Глава 3.....	34
Глава 4.....	43
Глава 5.....	49
Глава 6.....	58
Глава 7.....	65
Глава 8.....	72
Глава 9.....	79
Глава 10.....	86
Глава 11.....	96
Глава 12.....	103
Глава 13.....	111
Глава 14.....	118
Глава 15.....	124
Глава 16.....	132
Глава 17.....	139
Глава 18.....	147
Глава 19.....	153
Глава 20.....	161
Глава 21.....	168

Глава 22.....	176
Глава 23.....	183
Глава 24.....	191
Глава 25.....	200
Глава 26.....	208
Глава 27.....	221
Глава 28.....	231
Глава 29.....	239
Глава 30.....	249
Глава 31.....	259
Глава 32.....	265
Глава 33.....	272
Глава 34.....	278
Глава 35.....	286
Глава 36.....	293
Глава 37.....	300
Глава 38.....	308
Глава 39.....	315
Глава 40.....	323
Глава 41.....	330
Глава 42.....	338

Пролог

*19 июня 1881 года, поместье лорда Эшкомба
(округ Уэст-Йоркшир)*

Дверь, ведущая в комнату малютки Констанции (хотя малюткой в доме её звали скорее по привычке — в прошлом месяце дочери лорда от первого брака исполнилось семнадцать, и она уже была помолвлена), с треском распахнулась.

Лорд Эшкомб — высокий, чуть полный мужчина в том возрасте, который принято считать расцветом мужских сил и возможностей, вылетел из комнаты дочери подобно пробке из бутылки шампанского, едва не сбив с ног горничную — Агнес Флайт.

Уже шесть поколений Флайтов не за страх, а за совесть прислуживали в этом доме, мужчины — в качестве дворецких и лакеев, а женщины — как горничные, портнихи и прачки, но никто и никогда прежде не видел представителя славного рода Эшкомба в таком раздрае чувств.

Как позже заявила Агнес на допросе: «На лорде Эшкомбе в тот миг лица не было».

Хлопнула ещё одна дверь, на сей раз в кабинете.

Хозяин поместья мог пропадать в нём сутками, особенно после той ужасной истории с пропажей и гибелью его младшего сына от второго брака Уильяма. Два года назад трёхмесячный Уилл —

любимец отца и матери, исчез из своей колыбельки, его нашли только на утро следующего дня, в саду, с перерезанным горлом.

Полиция, как всегда, показала себя только с худшей стороны.

Это был сущий кошмар для всех Эшкомбов.

Лорд буквально в один день поседел, его роскошная тёмная шевелюра приобрела пепельный оттенок, молодой ещё и некогда полный сил мужчина разом осунулся и постарел на добрый десяток лет.

Ещё более трагичные перемены стались с его супругой — матерью маленького Уилла. Несколько месяцев она не вставала с постели и не желала никого знать.

Два долгих года, которые могли показаться для Эшкомбов вечностью, семья зализывала раны, приходила в себя.

И тут — новый удар: тяжёлая болезнь Констанции, которая вдруг начала обильно кашлять кровью.

Консилиум лучших врачей Англии вынес вердикт, больше похожий на смертный приговор.

Отец категорически не пожелал в него верить, этим вечером он направился в опочивальню дочери, чтобы приободрить Констанцию и поднять дух. Всё-таки в ней текла благородная кровь Эшкомбов, и никто из них не сдавался ни при каких обстоятельствах.

В течение долгих часов за плотно закрытыми дверями комнаты шёл их разговор, после которого глава дома и выскочил мрачнее тучи.

Он заперся в своём кабинете, достал из бара бутылку любимого виски, плеснул на два пальца в стакан, выпил одним махом, а потом сел за письменный стол, положил перед собой несколько чистых листков бумаги, взял самое острое перо и, макнув кончик в чернильницу, принялся быстро писать каллиграфи-

ческим почерком, коим славились Эшкомбы. Письмо его предназначалось шеф-констеблю Лидса — третьего по населению города Англии и первого, что касается всего остального, в Уэст-Йоркшире.

Адресатом следующего письма стала редакция одной из газет.

Лорд снова налил себе виски — на сей раз щедро, до краёв, и одним махом отправил всю порцию в рот, даже не покрывившись от отвращения.

Немного посидев, обхватив сильными руками седую голову, он принял самое важное и последнее в своей жизни решение.

Выдвинув ящичек стола, лорд Эшкомб достал тщательно смазанный револьвер, забил весь барабан патронами, поднёс дуло к виску и нажал на спусковой крючок.

23 июня 1881 года, кабинет шеф-констебля Лидса (округ Уэст-Йоркшир)

Только у себя на работе шеф-констебель Лидса — полковник Уилкинс мог предаться любимому пороку: курению трубки. Дома за его привычками с маниакальной тщательностью следила жена.

Начитавшись медицинских журналов, что дено и ночью трубили о вреде курения, она делала всё, чтобы из дома бесследно исчезал купленный в магазине братьев Коуп их фирменный табак *Cut Cavendish*, который так любили английские простолюдины (солдаты, моряки, портовые грузчики, разнорабочие) и... главный полицейский Лидса.

Лишь в своём кабинете Уилкинс снова чувствовал себя человеком, которому необязательно вести себя подобно мелкому воришке в лавке, вечно, как говорят в их среде, «быть на стрёме» и пугаться каждого звука.

Только сегодня даже табак был не в радость. Уилкинс выглядел на редкость озабоченным, и эта озабоченность портила всё удовольствие.

— Скажите, Итан, неужели ничего нельзя сделать? — спросил шеф-констебль.

— Что вы имеете в виду, сэр? — удивлённо поднял правую рассечённую бровь Итан Беллинг, его правая рука, суперинтендант полиции Лидса.

— Боже мой... Неужели непонятно?! Как-то побавить этот скандал, что ли... — задумчиво произнёс Уилкинс, пожёвывая деревянный мундштук курительной трубки. — Сейчас он решительно не к месту.

— Боюсь, это просто невозможно, — вздохнул Беллинг. — Письмо лорда Эшкомба попало в газеты и вызвало там сущий переполох. Те, кто ещё буквально два года назад втаптывал в грязь сержанта Лестрейда, вдруг заговорили о нём в восторженных тонах. Почитать «Дейли ньюс», так во всём Лидсе, да что там Лидс — далеко за его пределами! — никогда не было никого смышлёнее этого рыжего дурака!

— Тем не менее этот рыжий дурак оказался прав на все сто, когда заявил, что малолетнего сына лорда Эшкомба, как там его...

— Уильяма, — подсказал суперинтендант.

— Точно, малыша Билла... В общем, рыжий Лестрейд был прав и утёр нам всем нос, когда объявил, что пацана в порыве ревности зарезала его же сводная старшая сестрица.

— Констанция, сэр.

— Я помню, как её зовут, — нахмурился Уилкинс. — Два года назад Лестрейда заклевали и сам лорд, и пресса...

Беллинг хотел было добавить «и мы», но вовремя передумал, промолчал.

— Кто только не вытер ноги о сержанта, — продолжил шеф-констебль. — А лорд Эшкомб сделал всё, чтобы мы с позором выгнали Лестрейда.

Про детали можно было не упоминать. Беллинг был посвящён в происходившее. Лорд тогда подключил к делу все связи, а они у него были весьма обширные. С Уилкинсом приватно разговаривал большой чиновник из министерства. И разговор этот ещё сильнее закопал бедолагу Лестрейда.

— С другой стороны, нас можно понять: у Лестрейда не было никаких улик, только голословное утверждение, что убийца — Констанция, которая приревновала брата к родителям. Никто другой, по его мнению, не мог выкрасть ребёнка из его спальни и беспрепятственно вынести в сад, чтобы там прикончить... Он утверждал, что такая глубокая рана на горле должна была оставить следы на одежде убийцы, и, когда узнал, что какая-то из ночных рубашек Констанции исчезла, впал в такое неистовство, что велел арестовать девочку! — пустился в не самые приятные воспоминания Беллинг.

— Да уж... Лорд Эшкомб пришёл тогда в бешенство... А теперь, когда его собственная дочь на смертном одре призналась в убийстве брата, не нашёл ничего лучше, как отправить письмо нам и в газеты, а сам свёл счёты с жизнью, — мрачно резюмировал шеф-констебль. — Теперь пресса шумит, требует восстановления справедливости по отношению к Лестрейду.

— Но что мы можем сделать для него, сэр?

— Мы?! Если честно, мне не очень-то нужен в Лидсе какой-то сержант-зазнайка, будь он хоть и три тысячи раз прав! Ему же сразу сказали и вы, и я: Джордж, не лезьте в бутылку, не будьте таким принципиальным... Во всём, что с ним приключилось, виноват только он сам!

— Согласен, сэр! Только газетчики всё равно с нас не слезут! — осторожно заметил Беллинг. — Дело-то громкое и шумное... Под угрозой репутация полиции всего округа! Мы должны что-то предпринять, как-то загладить свою вину перед Лестрейдом, даже если эта вина мнимая...

— Пропади они пропадом эти грязные писаки! — вспыхнул как спичка и тут же успокоился Уилкинс. — К счастью, появилась отличная возможность сплавить Лестрейда с глаз долой и при этом восстановить наше честное имя!

— Что за решение, сэр?! Не будет ли наглостью с моей стороны узнать детали?

— Не будет, Итан! Считайте, хоть тут нам немного повезло.

— Даже так...

— Именно. Скотланд-Ярд очень заинтересовался нашим рыжим недотёпой. У полковника Хендерсона как раз образовалась вакансия инспектора в штатском, и он очень хочет забрать Лестрейда к себе, в Лондон. Обещает жалованье — целых сто двадцать фунтов в год...

Беллинг нервно сглотнул. Сто двадцать фунтов в год — хорошие деньги для полицейского. Даже для заместителя шефа-констебля в Лидсе.

— Кстати, а этот Лестрейд... Где он сейчас? — спросил шеф-констебль.

— Боюсь, что по-прежнему в психушке, сэр, — осторожно выдал из себя Беллинг.

*2 июля 1881 года, Бедлам — Бетлемская
королевская больница (Лондон)*

— А у вас здесь неплохо, — простодушно протянул Беллинг, ёжась от сырости. — Ухоженный сад, клумбы, цветочки, газон подстрижен, птички поют...

И кажется, это единственное место во всём Лондоне, где нет проклятого тумана.

— Так вам у нас нравится? Хотите, обследую вас, и, кто знает — вдруг у вас появится возможность ещё долго наслаждаться пением здешних птиц и отсутствием тумана?

Беллинг вздрогнул.

— Доктор...

— Доктор психологии Чарльз Гиз, к вашим услугам, — склонил голову невысокий сухопарый джентльмен, облачённый в тёмный узкий сюртук. — Вы же — суперинтендант полиции Лидса Итан Беллинг... Мне успели доложить. И не принимайте близко к сердцу мои слова насчёт обследования... Мы оба — разумные люди и понимаем: это была шутка.

— Конечно-конечно, — произнёс Беллинг не самым уверенным тоном.

— Что привело в нашу обитель человека вашей профессии? Хотите, чтобы я вас проконсультировал? Ваши коллеги из Скотланд-Ярда и полиции Сити регулярно наносят мне подобного рода визиты.

— Быть может, в другой раз, — сказал Беллинг. — Вы ведь лечащий врач Джорджа Лестрейда?

— Если вам это сказали в больнице, значит, так оно и есть, — улыбнулся Гиз. — Кстати, Лестрейд тоже полицейский из Лидса... Кажется, сержант...

— Бывший сержант, — поправил Беллинг. — Я приехал сюда по поручению начальства. Оно хочет узнать, как идут дела у нашего бывшего коллеги...

— Похвально... Лучше поздно, чем никогда. Вы, кстати, далеко не единственный, кто интересуется Лестрейдом в последнее время. У меня было много гостей...

— Газетчики? — догадался Беллинг.

— Разумеется. Слетелись как стервятники!

— Что вы им сказали? — напрягся Беллинг.

— Только то, что и был должен... Сказал, что не имею права обсуждать пациентов. Врачебная этика... — гордо провозгласил Гиз.

— Приятно иметь дело с настоящим джентльменом...

— В первую очередь — с профессионалом!

— Верное замечание. А что скажете мне?

— Только то, что не сможет повредить пациенту. Не будь вы из полиции, я бы, скорее всего, даже не стал с вами говорить.

— Хорошо... Мы очертили границы дозволенного. Скажите, доктор, как он?

— Он... — Гиз задумался. — Примерно месяц назад я бы дал вам более чёткий ответ.

— За этот месяц что-то изменилось?

— Да. Лестрейд стал... другим.

— Что это значит? — удивился полицейский. — Он что — теперь нормальный?

— У этого термина довольно широкое и абстрактное толкование, но я догадываюсь, к чему вы клоните, — хмыкнул врач. — Опираясь на общее представление, Лестрейд — нормальнее нас с вами вместе взятых.

— Серьёзно?

Гиз кивнул.

— У меня большой опыт работы. Но я ещё не наблюдал столь резких перемен в человеке.

— Чем же были вызваны столь разительные перемены?

— Где-то с месяц назад у Лестрейда случился приступ. Он оказался на грани между жизнью и смертью, причём в какой-то момент мне казалось, что к смерти гораздо ближе. И, что хуже всего, по вине больницы...

Беллинг удивился.